

УДК 34(091)

СМЕЛО БРАЛСЯ ЗА ЛЮБУЮ НОВУЮ РАБОТУ

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан*

Башкиров Шахвали (Шагивали) Галеевич родился в 1894 г. в Кукморском районе. Социальное происхождение – из крестьян середняков, до революции был приказчиком. С 1918 по 1924 г. работал в Буинске – председателем кантисполкома и секретарем канткома партии. Тогда он в числе других подписал коллективное заявление в президиум областной партийной конференции. Также Башкиров был в числе тех, кто подписал известное заявление «39-ти». В конце 1924 г. он выдвигается на руководящую работу областного масштаба. В этот период создается и семья. Разия и Шахвали познакомились во время учебы в Казанском педагогическом институте. Они учились вместе пять лет. Вскоре после знакомства поженились. Уже тогда в 1926 г. Башкиров одновременно учился и работал – был заместителем председателя областной контрольной комиссии и заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции. Они любили ходить в кино. Благо, кинотеатр «Вузовец» был в пяти минутах ходьбы от их квартиры. Разия закончила институт и стала работать учителем математики. Шахвали закончил общественно-экономическое отделение. Они воспитывали двоих детей – дочь Гульбику и сына Шамиля. По словам супруги, муж, вооружившись литературой, смело брался за любую новую работу.

Нас в первую очередь интересует период с 7 января 1928 г. по 16 ноября

1929 г., то есть около двух лет, когда Ш.Г. Башкиров работал наркомом юстиции и прокурором Татарской республики.

В самом начале своей прокурорской работы Башкиров делает попытку изучить кадры местных ответственных судебно-следственных работников. 16 января 1928 г. он обращается к секретарям районных комитетов партии с просьбой – предоставить подробную характеристику на каждого местного работника юстиции, с отражением ряда вопросов (как выполняет возложенные обязанности; какие отзывы о работе со стороны населения и местных организаций; имеет ли этот работник авторитет среди населения; какую он ведет общественно-политическую работу; нет ли на него жалоб; заслуживает ли выдвижения и т.д.). Хотя ответы районных руководителей партийных комитетов страдали субъективизмом и в основном носили партийный, политический характер, тем не менее такую попытку изучения кадров следует оценить положительно.

В инструктивном письме помощникам прокурора от 11 мая 1928 г. нарком Башкиров указал на необходимость пересмотра методов работы прокуратуры в области общего надзора. До этого в деревне практиковался такой метод прокурорского надзора, как производство систематических плановых обследований низовых органов Советской власти, волисполкомов, райисполкомов и сельских

советов с точки зрения соответствия их деятельности революционной законности. Вместо этого Башкиров предложил работать путем непосредственной живой связи помощника прокурора с широкими крестьянскими массами. Обследования низовых органов власти нарком предлагал проводить только по определенным конкретным поводам, если такая необходимость вытекает из жалобы или др. То есть речь шла об организации проверок по сигналам и данным о нарушениях законности. Что касается участия помощника прокурора в заседаниях Президиума и Пленума кантисполкома, то это, по мнению Башкирова, надо делать по возможности, а если рассматриваемый вопрос касается прокурорского надзора, – то участвовать обязательно.

Таким образом, Башкиров в начале своей деятельности попытался упорядочить общенадзорную работу, исключить поголовный необъятный общий надзор, заменить его работой по конкретным сигналам.

15 мая 1928 г. наркомюст – прокурор Татарской Республики дает циркулярное указание всем народным следователям. В нем говорится «о слабой пропускной способности» следователей в отношении следственных дел. Отчеты свидетельствовали о том, что в некоторых следственных участках остаток дел превышал их ежемесячное поступление. В производстве у следователей находились дела, возбужденные еще в 1926, 1927 гг., и даже в 1924–1925 гг. Подобную волокиту нарком назвал нетерпимой и потребовал: народным следователям впредь оканчивать не менее 8 дел в месяц, оставляя в остатке не более среднего количества ежемесячного поступления уголовных дел. Неисполнение этого циркуляра, предупреждал нарком, повлечет предание виновных следователей к уголовной ответствен-

ности по статье 111 УК РСФСР. Так что вал, планы, нормы расследования – они были и тогда, есть они и сейчас.

В мае 1928 г. Башкиров совместно с наркомом внутренних дел направил на места циркуляр о порядке рассмотрения дел частного обвинения. В нем говорилось о непроизводительной затрате времени дознания на эти дела. Циркуляр предлагал подобные письменные жалобы передавать сразу в суд, не проводя никакого расследования. В то же время по отдельным делам возможно было производство расследования – но лишь по предложению прокурора, народного следователя или народного суда¹.

Вполне разумные предложения, которые, кстати, соответствуют и сегодняшним требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ в части ведения дел частного обвинения.

Внимание привлекает и циркуляр наркома от 20 мая 1928 г. – всем помощникам прокурора ТССР, народным и старшим следователям. Он полностью посвящен вопросам борьбы с преступлениями, надзору за органами следствия и дознания. В циркуляре закреплен обширный перечень мероприятий и требований. К примеру, помощникам прокурора в районах и городах предписано – не реже одного раза в два месяца созывать совещание по борьбе с преступлениями, привлекая к участию в них, кроме лиц, непосредственно ведущих борьбу с преступлениями (милиция, ОГПУ, судебно-следственные органы), также и представителей соответствующих исполкомов, профсоюзных и общественных организаций, юридических кружков, групп содействия и др. Руководство этим совещанием возлагалось на помощника прокурора². Это, безусловно, напоминает современные координационные совещания правоохранительных органов во главе с прокурором.

Еще один циркуляр Наркомюста 1928 г. – прекратить написание следователями протоколов и постановлений карандашом, ибо потом записи стираются, с них невозможно изготовить копии. НКЮ требовал – писать только чернилами и причем четким, разборчивым почерком.

В июне 1928 г. Башкиров направляет циркуляр о борьбе с бюрократическими извращениями в работе государственного, кооперативного и общественного аппарата. Были и указания по конкретным видам преступлений – поджогам, должностным растратам и др. В целом в самом начале своей деятельности Башкиров направил целый ряд дельных, толковых циркуляров, указаний, рекомендаций.

26 января 1929 г. нарком юстиции и прокурор Татарской Республики Башкиров издал приказ о распределении функций прокуратуры между работниками. Тогда выделялись: общий надзор; надзор за местами заключения; надзор за судебными органами; надзор за следственными органами и дознанием; надзор за старшими следователями и народными следователями кантонов. Отдельно выделялся надзор по трудовым делам. В прокуратуре был и специальный работник по надзору за татарскими делами – Богданов.

В 1929 г. Башкиров озаботился проблемой – крайне недостаточным числом женщин среди судебно-следственных работников. На 1 марта 1929 г. по республике было всего 7 женщин – народных судей, а следователей – только 1. Башкиров предложил направлять кандидаток на учебу на областные юридические курсы, прикреплять в районах к органам юстиции женщин в качестве практиканток с тем, чтобы из них потом набирать кадры³.

Женский вопрос в органах юстиции еще многие годы не решался. Но

в настоящее время он точно решен – около половины судей сегодня составляют женщины.

Башкиров, как видно из документов Наркомюста и прокуратуры, был аккуратным, деловым, грамотным руководителем. Каждый протокол заседания коллегии Наркомюста республики содержит множество его пометок, указаний – кому и что взять на контроль, доложить, подготовить приказ и многое другое. Башкиров умело работал с документами, держал рассмотренные вопросы на контроле и следил за исполнением решений коллегии.

Мы не будем более останавливаться на деятельности Башкирова в качестве наркома юстиции и прокурора Татарской республики. Этот вопрос требует самостоятельного серьезного исследования.

В 1932 г. в Татарском издательстве выходит книга Ш.Башкирова: «Итоги работы промкооперации Татарской Советской Социалистической Республики за 1929–1930 гг. и ее очередные задачи». Посвящена она итогам работы промысловой кооперации в Татарской республике. В заглавии книги – Татпромсоюз, т.е. Союз промысловой кооперации ТССР, который одно время возглавлял Ш.Башкиров.

В 1933 г. Башкиров работал директором Татарского государственного издательства, а наркомом просвещения являлся Биктагиров. Обоих потом обвинили в покровительстве троцкисту, профессору Эльвову. Это, в частности, выразилось в том, что Эльвов был включен в бригаду по составлению учебника краеведения, учебных карт. И именно с Эльвовым директор Татгосиздата Башкиров заключил договор.

По показаниям арестованного работника издательства М.Н.Гумерова, когда обсуждалась цена за учебник по краеведению, он рекомендовал

платить по существующим нормам в издательстве. Эльвов такую цену поднял на смех. Тогда Башкиров дал указание оплатить за учебник по повышенной ставке, что и было сделано. Кроме того, в конце 1933 г. Башкиров выделил Эльвову от Татгосиздата премию в сумме 50 рублей за составление учебника по краеведению. Впоследствии учебник и учебные карты были изъяты как вредительские.

Сам Башкиров в протоколе допроса от 2 октября 1937 г. по этому поводу пояснил, что Эльвов приехал в Казань в 1932 г. По указанию секретаря Татарского обкома партии Разумова ему был создан безграничный авторитет. Эльвов подбирал материалы для выступлений Разумова, являлся популярнейшим докладчиком по вопросам партийной жизни и политики.

В 1934–1937 гг. Башкиров работает наркомом просвещения Татарской Республики, одновременно исполняет обязанности и ответственного редактора журнала «Магариф». Именно к этому периоду относятся основные обвинения Башкирова по уголовному делу.

20 апреля 1936 г. было принято постановление бюро Татарского обкома ВКП(б) «О работе Наркомпроса». Заслушав доклад Башкирова, обком отметил основные недостатки в работе наркомата, которые касались вопросов работы в школах, обучения кадров, повышения образовательного уровня педагогов, методического руководства и инспектирования школ. Говорилось и о необоснованных снятиях и переводах учителей. В целом речь шла об обычных рабочих вопросах. В то же время крупнейшим недостатком в работе Наркомпроса обком назвал «недостаточную политическую заостренность». Было указано на недостаточную мобилизацию учительства и советской общественности вокруг конкретных фактов про-

явления классовой борьбы на фронте просвещения, на проникновение идеологически чуждых, в частности, религиозных влияний, на факты антисоветских выступлений среди учителей, засорение рядов учительства антисоветскими и морально разложившимися людьми.

В целом работа Наркомпроса была признана неудовлетворительной. Постановление бюро обкома заканчивалось традиционно: «Обязать Башкирова...», и далее великое множество задач, поручений⁴.

После снятия с поста народного комиссара просвещения Татарской республики Башкиров назначается директором Казанского государственного педагогического института. Документы об этом назначении направили в Москву в отдел школ ЦК ВКП(б) и в Наркомпрос. Однако 27 мая 1937 г. бюро Татарского обкома партии отменило свое решение. 29 мая 1937 г. в Москву полетела срочная телеграмма – кандидатуру снимаем, просим не утверждать⁵.

9 июня 1937 г. бюро Татарского обкома ВКП(б) приняло решение о невозможности присутствия Башкирова на XVIII Татарской областной партийной конференции – по политическим мотивам.

На момент ареста Башкиров числился директором Казанской студии «Союзкинохроника».

Постановление об аресте Башкирова датировано 5 августа 1937 г., утвердили его заместитель наркома НКВД и заместитель прокурора республики по спецделам. Ему предъявляется стандартное обвинение. В постановлении указано, что Башкиров в прошлом являлся активным участником контрреволюционной националистической группировки «правых», впоследствии примкнул к контрреволюционной организации султангалеевцев и до последнего времени проводил

их установки в практической работе. Подчеркнуто, что Башкиров являлся одним из активных участников контрреволюционной организации, который «насаждал контрреволюционные повстанческие кадры среди учителей». Башкирова обвинили и в контрреволюционной агитации в татарских учебниках.

Арест был произведен 6 августа 1937 г. В этот же день провели обыск по месту жительства в квартире Башкировых на улице Волкова. Как отмечено в протоколе, были изъяты отдельные секретные партийные документы, книги, подлежащие изъятию, папка с перепиской Наркомюста. Видимо, у наркома просвещения оказалось слишком много книг. Все их просмотреть сотрудники НКВД не смогли и просто опечатали комнату с книгами – для тщательного осмотра.

На первоначальных допросах Башкиров признавал свое участие в групповой борьбе внутри татарской партийной организации, начиная с 1924 г. Он не отрицал, что подписал в числе других коллективное заявление от «правых» на имя президиума в областную партийную конференцию.

Как и многие другие, Башкиров в последующем дал показания о том, что в 1934 г. о существовании контрреволюционной организации ему стало известно от председателя Совнаркома республики Абрамова. Но, со слов Башкирова, в контрреволюционную группу «правых» его вовлек Ганеев Гали, нарком местной промышленности Татарской республики. В 1919 г. Башкиров работал помощником командира Отдельного Татарского запасного батальона, впоследствии превратившегося в Татарский запасной полк, а в 1920 г. был комиссаром Татарского батальона. В этой же воинской части РККА в качестве военкома батальона (полка) служил и Ганеев Гали. Тогда Башкиров и Ганеев

были холостыми молодыми людьми и несколько месяцев жили вместе в одной комнате. И в дальнейшем они были в близких отношениях.

Башкиров признал свое участие в «огромной вредительской работе на культурном фронте» — совместно с Атнагуловым, Касымовым, Мухсиновым, Рахматуллиным, Биктагировым и другими. Он также дал показания и о сформировавшемся казанском контрреволюционном правотроцкистском центре, о своей связи с Г. Богатудиновым, Палютиным, Магдеевым и другими. Башкиров говорил и о вредительской линии наркома финансов Магдеева, который в бюджетах 1936 и 1937 гг. урезал средства на дошкольное воспитание и на другие мероприятия народного просвещения.

В уголовное дело приобщено заявление Башкирова на имя наркома внутренних дел Михайлова, датированное 23 декабря 1937 г. Собственно-ручное заявление на 48 листах начинается словами: «Осознав вредность своей контрреволюционной работы, решил дать следствию откровенные и полные, развернутые показания о своей контрреволюционной вредительской работе, а также об антисоветской деятельности моих единомышленников». Далее следует описание участия Башкирова в групповой борьбе внутри партии, перечисление членов контрреволюционной организации. В их числе Башкиров называет и работников юстиции, прокуратуры – заместителя прокурора республики Муратова, Зяппарова – работника Наркомюста, Хайруллина Карима – бывшего председателя Главного суда. Башкиров на допросах назвал несколько десятков известных ему участников антисоветской контрреволюционной организации в Татарии. Был составлен и список лиц, лично вовлеченных Башкировым в антисоветскую пантюркистскую организацию. В основном

это заведующие районными отделами народного образования, директора техникумов, школ, отдельные учителя, работники Наркомата просвещения. В списке Башкирова оказались и несколько председателей райисполкомов, с которыми он встречался, имел служебные дела. Перечислять все фамилии просто нет смысла.

Из показаний Башкирова следует, что для вовлечения в организацию он якобы использовал недовольство работников по различным вопросам. При этом происходили разговоры о тяжелом материальном положении учительства, о недооценке учительских кадров и т.д. «Вербовал» Башкиров в основном у себя в кабинете в Наркомате, когда педагоги приезжали к нему по каким-либо служебным вопросам. Иногда это происходило во время командировок в районы, при посещении школ и т.д.

В уголовное дело Башкирова приобщены копии, выписки из показаний арестованных педагогических работников. Большинство из них давали показания о том, что в системе Наркомпроса Татарской республики во главе контрреволюционной националистической организации стоял нарком просвещения республики Башкиров.

В протоколе основного допроса от 2 октября 1937 г. Башкиров сообщает о любопытном факте. По его словам, в 1932 г. тогдашний нарком просвещения Татарской республики Биктагиров направил в Москву в ЦК ВКП(б) рапорт о сплошной грамотности населения в Татарии. Что, мол, задача выполнена, весь народ в Татарии грамотный. Однако в 1934 г. выяснилось, что в Татарии есть еще более 500 тысяч человек неграмотных.

Вполне допускаю, что эти сведения соответствуют действительности. Показуха, ложные рапорта о достижениях – все это было и раньше, да и сегодня есть.

Следует иметь в виду, что протоколы допросов Башкирова корректировались, переписывались работниками НКВД. В частности, написанный от руки протокол допроса Башкирова от 29 декабря 1937 г. был переписан с заранее отпечатанного протокола допроса. В отпечатанном варианте допроса есть ряд поправок и изменений, которые уже учтены и внесены в рукописный вариант.

Заявление Башкирова на 48 листах тоже пестрит различными поправками, дополнениями. Видно, что над ним усиленно работали. Отдельные листы заявления частично отрезаны – видимо, показания подгонялись, изменялись. Что-то исключалось, что-то добавлялось.

Из архивного уголовного дела на сотрудников НКВД Шелудченко, Михайлова, Марковича, Юрченко видно, что показания от Башкирова были получены путем применения насилия. Как показали на допросах сотрудники НКВД, Шелудченко и Марголин часто говорили на оперативных совещаниях: «Что преступного, если ударили врага?».

Башкирова дважды переводили из тюрьмы в изолятор НКВД – в августе и декабре 1937 г. Очевидно, что именно в эти периоды нахождения во внутреннем изоляторе НКВД с арестованным проводилась наиболее активная работа, из него «выбивались» нужные показания.

В результате на допросе 29 декабря 1937 г. Башкиров сообщил допрашивавшим его троим сотрудникам НКВД (Шелудченко, Крохичеву, Марголину) о том, что им «удалось захватить почти все основные участки хозяйственнокультурной и политической жизни в Татарской республике и провести там большую подрывную работу». По словам Башкирова, основная вредительская работа в системе Народного комиссариата просвещения

проводилась в двух основных направлениях: 1) срыв издания учебников; 2) срыв школьного строительства.

Вредительство в издании учебников на татарском языке, пояснил Башкиров, тянется уже много лет и было начато еще до него. К подготовке учебников были привлечены ярые контрреволюционные националисты – Атнагулов, Сайфи, Гумеров, Юсупов, Нигмати и другие.

В показаниях Башкирова подчеркнуто, что во вредительской постройке школ большую роль играл бывший председатель Казанского городского совета Аксенов. Оказывается, он специально отводил под строительство школ в Казани явно непригодные участки. Например, на улице Татарстан для строительства школы был отведен очень плохой участок – в части грунта и необходимости сноса ватной фабрики. В результате на снос здания ватной фабрики, углубление грунта понадобились излишние затраты в сумме около 20 тысяч рублей. Также получилось и со школой на ул. Пушкина. Излишнее углубление грунта потребовало здесь дополнительных затрат в сумме около 30–40 тысяч рублей.

Показания Башкирова о вредительском выделении Аксеновым непригодных участков под строительство школ, мягко говоря, не выдерживают никакой критики. Хочется воскликнуть, что это – какой-то бред. Но все это с подачи сотрудников НКВД принималось на веру.

Также якобы вредительски проводилось строительство школ и в сельских районах. В ряде районов строительство школ было сорвано, т.к. для строительства не были отпущены необходимые строительные материалы.

В этот же период расследовалось уголовное дело в отношении руководящих работников «Казстроля» Александрова, Голицына, Чиркова и дру-

гих. Их арестовали по ст.ст. 587, 5811 УК РСФСР – за срыв строительства школ, детских яслей. Правда, 4 июля 1938 г. это дело было направлено в суд по ст. 109 УК РСФСР как должностное преступление.

Один из арестованных руководящих партийных работников показал: «Благодаря подрывной деятельности Башкирова и его подручных из Наркомпроса ежегодно до 5 тысяч детей оставались вне школы». В чем это выражалось и откуда взята эта цифра, из протокола допроса совершенно не ясно.

Искавления при аттестации учителей – еще одно обвинение Башкирова. В те годы во всеобщем угаре в массовом порядке увольняли учителей – за связь с врагами народа. Безусловно, и народный комиссар просвещения Башкиров приложил к этому руку. Достаточно сказать, что в 1937 г. за связь с врагами народа освободили от работы 574 учителей. В большинстве случаев никакие проверки не проводились. Многие уволенные подавали жалобы. К примеру, из 202 рассмотренных жалоб учителей о необоснованном увольнении в 1937 г. 186 обращений были признаны обоснованными, т.е. этих учителей уволили незаконно. В начале 1938 г. пошли массовые восстановления учителей.⁶

Башкирова в числе прочего обвинили и в том, что он устроил на работу в аппарат Наркомпроса Татарской республики враждебные антисоветские элементы, буржуазных националистов, троцкистов. При этом назывались фамилии Кудоярова Гали, Мухутдинова Насыха, Рахматуллина, Касымова, Фаридовой, Веклина и других.

В частности, бывшего активного участника групповой борьбы Мухутдинова Насыха (тот был ранее арестован) Башкиров устроил на работу ученым секретарем в журнал «Магариф».

Насых Мухутдинов в свое время был народным комиссаром просвещения Татарской республики, работал и в Крыму. «Привлечение в редакцию журнала «Магариф» ссыльного националиста» – вот так сформулирован этот факт в одном из протоколов допроса. Н.К. Мухутдинов впоследствии был репрессирован.

Во время многочисленных партийных разборок в отношении Башкирова упоминается фамилия и Кудоярова Гаялутдина Гайнутдиновича. Он ранее работал директором Казанского института советского права, был арестован в декабре 1932 г. как участник националистической организации «Иттифак». Его отправили в лагеря на 3 года. Кудояров вернулся из ссылки в 1936 г. В поисках работы он был в нескольких местах, в том числе и в Наркомпросе у Башкирова. Нарком устроил его на работу. Как заявил секретарь Татарского обкома Лепа на партактиве в сентябре 1936 г., Башкиров послал Кудоярова на работу в «политически-идеологический орган», и тот якобы сделал безответственный перевод. В этой связи Лепа применительно к Башкирову говорил как о пособнике классового врага и сделал вывод о том, что Башкиров после этих ошибок не может быть членом бюро обкома. Вторично Кудоярова арестовали 14 августа 1936 г. Обвинили, что он шпион-диверсант, и в апреле 1937 г. отправили в лагеря на 5 лет.

В документах партийных разборок упоминается и о связи Башкирова с преподавателем Ключищинского сельхозтехникума в Верхнеуслонском районе Рауфом Алмаевым. Последнего арестовали и затем расстреляли 3 ноября 1938 г. по решению тройки НКВД.

Заместитель Башкирова по Наркомату просвещения Татарской республики, бывший ректор Казанского университета, профессор-географ Н.З.Векслин был арестован 26 января

1937 г. Особое Совещание отправило его в лагеря на 10 лет. Он скончался в Норильском лагере осенью 1942 г.

21 августа 1937 г. было принято специальное постановление Совнаркома Татарской республики по результатам документальной ревизии республиканского бюджета Наркомпроса за 1936–1937 гг. В нем перечислены многочисленные нарушения и упущения в работе Наркомата просвещения Татарской республики (грубейшие факты антигосударственной практики расходования государственных средств, перерасход средств на управленческие цели; срыв подготовки педагогических кадров; премирование аппарата Наркомата за счет ассигнований на проведение съезда учителей, плохая ревизионная работа в Наркомате и т.д.). Было решено направить материалы ревизии прокурору Татарской республики Лейбовичу.

В прокуратуре Татарской республики материалы ревизии попали к старшему помощнику прокурора Татарской республики Масису. Он 29 сентября 1937 г. вынес постановление – возбудить в отношении Башкирова, его заместителя Векслина и главного бухгалтера Назарова уголовное дело по статьям 587, 5811 УК РСФСР; направить данное уголовное дело в УГБ НКВД ТАССР для присоединения к имеющемуся там уголовному делу.

В постановлении Масис перечислил нарушения и упущения в работе Наркомата просвещения и лично наркомата Башкирова. Говорилось о вредительском планировании, о снижении приема в школы и педагогические училища, снижении сети библиотек, детсадов, перерасходе и недорасходе средств и т.д. Указывалось и о необоснованном премировании аппарата на общую сумму в 25 тысяч рублей, в том числе лично Башкирова – в сумме 4142 рубля, о наличии в наркомате черной кассы в виде содержания вне-

бюджетного счета. И якобы из этих средств давались премии и врагам народа. Постановление Масиса утвердил и.о. прокурора Татарской республики Егоров.

Обвинительное заключение по делу Башкирова нарком НКВД утвердил 11 марта 1938 г. Главный военный прокурор подписал дело 8 мая 1938 г. – перед самым судом. Суд над Башкировым состоялся 9 мая 1938 г. Как и у многих других, заседание шло всего 10 минут. Подсудимый просил учесть его чистосердечное признание. Приговор – расстрел – был исполнен в тот же день. В этот же день расстреляли и его друга, наркома Ганеева Гали.

Супруга Башкирова была арестована в ночь с 13 на 14 мая 1938 г. и осуждена на 8 лет лагерей. Отбывала наказание в Карагандинских лагерях. Писала, запрашивала о судьбе мужа – никто правду ей не сообщил. Жена наркома находилась в лагерях около девяти лет, ее освободили в 1947 г. Вернуться в Казань ей не разрешили, выслали из города. Лишь в 1957 г., после реабилитации супруга, она смогла вернуться в Казань, и снова стала работать в средней школе учительницей математики.

В 1956 г. в связи с пересмотром дела Башкирова были допрошены свидетели: методист-лектор Республиканского лекционного бюро Л.Х.Гайсин, директор Татарского института усовершенствования учителей Й.И.Малкин, директор ателей в г. Казани П.В. Аксенов (бывший председатель Казанского городского Совета, жертва репрессий). Все они охарактеризовали Башкирова с положительной стороны, как принципиального и требовательного работника, отзывчивого и внимательного человека. Ш.Г.Башкиров был реабилитирован в марте 1957 г.

Сын наркома, Шамиль Шагивалеевич Башкиров, окончил Казан-

ский государственный университет в 1951 г. с отличием. Известный физик С.А.Альтшулер рекомендовал его в аспирантуру, но сына политзаключенных туда не приняли. И даже трудоустроиться тогда в Казани он не смог. Башкиров едет в Йошкар-Олу и работает преподавателем Марийского педагогического института. В 1955 г. он смог вернуться в Казань – на работу в Казанский педагогический институт. Лишь после полной реабилитации родителей он смог заняться в полной мере научной деятельностью.

Шахвали Галеевич Башкиров гордился бы своим сыном. Доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Российской Федерации Шамиль Шагивалеевич Башкиров стал известным ученым-физиком, на протяжении более 20 лет заведовал кафедрой твердого тела Казанского государственного университета. Автор более 300 научных публикаций, известный специалист в области исследований твердых тел методом мессбауэровской спектроскопии, Башкиров подготовил более 30 кандидатов и докторов наук. В 1985 г. он приехал в Бельгию на международную конференцию по мессбауэровской спектроскопии. Оргкомитет принял его в качестве гостя конференции и содержал за свой счет. Тогда из СССР приехали на конференцию несколько академиков, но такой почет был сделан только в отношении профессора из Казани. Удивленный Башкиров спросил – чем объясняется такое отношение Оргкомитета? Ему пояснили, что профессор Ш.Ш.Башкиров является первым в мире по индексу цитирования.

Мы с ним встречались иногда на общих собраниях в Академии наук Республики Татарстан. Я всегда хотел расспросить его об отце, о тех страшных годах, но все откладывал этот разговор. А вскоре его не стало...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 115. Наркомюст ТАССР. Циркуляры... 1928 г.

² Там же.

³ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 198. Наркомюст ТАССР. Циркуляры НКЮ ТАССР. 1928–1929 гг.

⁴ Большевик Татарии. 1936. № 5. С. 38–41.

⁵ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 3, дело 1598. Докладные записки... 1937 г.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд 1588, опись 1, дело 783. КСК при СНК СССР по ТАССР. Материалы проверки сигнала о массовом увольнении учителей в Наркомпросе ТАССР. 1938 г.

Аннотация

В статье освещается жизнь и судьба Ш.Г. Башкирова, занимавшего посты наркома юстиции и прокурора, наркома образования Татарской республики, ставшего жертвой сталинских репрессий.

Ключевые слова: Ш.Г. Башкиров, история Наркомата юстиции и прокуратуры Татарской республики, репрессии в Татарстане.

Summary

The article deals with the life and fate of the Sh.G. Bashkirov, who served as Commissar of Justice and Attorney, Commissar of Education of the Tatar Republic, and became the victim of Stalin's repression.

Keywords: Sh.G. Bashkirov, the history of the People's Commissariat of Justice and the Prosecutor's Office of the Tatar Republic, repression in Tatarstan.